

ФРЕД
ВАРГАС

FRED VARGAS

**QUAND SORT
LA RECLUSE**

MASTERDETECTIVE

ФРЕД ВАРГАС

КОГДА ВЫХОДИТ ОТШЕЛЬНИК

Перевод с французского
Елены Тарусиной



издательство АСТ

Москва

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
В18

Programme



Издание осуществлено в рамках
Программ содействия издательскому делу
при поддержке Французского института

Cet ouvrage a bénéficié du soutien
des Programmes d'aide à la publication
de l'Institut français

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

В оформлении книги использована фотография LUDMILA YILMAZ.
Используется по лицензии *Shutterstock.com*

Варгас, Фред

В18 Когда выходит отшельник: роман / Фред ВАРГАС; пер. с франц.
Е. ТАРУСИНОЙ. — Москва : Издательство АСТ: CORPUS, 2019. — 512 с.
(Master Detective).

ISBN 978-5-17-106462-4

Детективы прославленной француженки Фред Варгас, переведенные на тридцать два языка, читают во всем мире. Среди ее многочисленных литературных премий целых три драгоценных «Кинжала» — три знаменитые награды британской Ассоциации писателей-криминалистов, причем Варгас — единственная, кто удостоился их трижды. А в 2018 году ей была присуждена почетнейшая премия принцессы Астурийской, которую называют «испанским Нобелем».

«Когда выходит отшельник» — девятое головоломное расследование блистательного комиссара Адамберга, который не доверяет логике, зато умеет «видеть в тумане», ловя сигналы интуиции. Серия смертей от укусов паука-отшельника взорвала соцсети на юге Франции. Поползли панические слухи о резком увеличении популяции этих пауков или об опасной мутации — до сих пор их укус не считался смертельным. У Адамберга само их название вызывает необъяснимую тревогу, и комиссар, вопреки здравому смыслу, начинает несанкционированное расследование, не подозревая, какие бездны злодейства разверзнутся перед ним.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-106462-4

- © Fred Vargas & Editions Flammarion, Paris, 2017
- © Е. Тарусина, перевод на русский язык, 2019
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
- © ООО «Издательство АСТ», 2019
- Издательство CORPUS ®

Глава 1

Адамберг, сидя на скале у причала, смотрел, как рыбаки возвращаются после ежедневного лова, швартуются, вытаскивают из воды сети. На маленьком исландском острове Гримсей все звали его Берг. Океанский ветер, одиннадцать градусов тепла, солнце в дымке, зловоние тухлой рыбы. Он забыл, что еще недавно был комиссаром полиции, руководил двадцатью семью сотрудниками бригады уголовного розыска в Париже, в 13-м округе. Он выронил мобильник, и тот угодил в овечью лепешку, к тому же лохматая скотина наступила прямо на него копытом, впрочем, без всякого злого умысла. Никто еще, наверное, не терял телефон столь оригинальным способом, с долей гордости подумал Адамберг.

Гуннлаугур, хозяин небольшой гостиницы, тоже пришел в порт, собираясь купить лучшую рыбу и приготовить ее на ужин. Адамберг улыбнулся и махнул ему рукой. Но выражение лица у Гуннлаугура было не такое спокойное, как в обычные дни. Не обращая внимания на то, что торги уже начались, он направился напрямик к Адамбергу, сдвинув белесые брови, ткнул в него пальцем, протянул послание и произнес:

— *Fyrir þig*. [Это тебе.]

— *Ég?* [Мне?]

Адамберг, неспособный запомнить простейшие, доступные даже ребенку иностранные слова, здесь непонятным образом за каких-то семнадцать дней усвоил около семидесяти слов. С ним старались объясняться как можно проще, преимущественно используя жесты.

Пишут из Парижа, наверняка из Парижа. Хотят, чтобы он вернулся. Он приуныл, потом рассердился, замотал головой — нет, ни за что! — повернулся лицом к морю. Гуннлаугур не отставал: он развернул листок и вложил его в руку Адамберга.

Женщину сбила машина. Муж и любовник. Все не просто. Ваше присутствие крайне желательно. Материалы будут переданы позже.

Адамберг опустил голову, ладонь его раскрылась, и ветер унес листок. В Париж? Почему вдруг в Париж? Где это?

— *Daðdur maður?* — спросил Гуннлаугур. [Труп?]

— *Já*. [Да.]

— *Ertu að fara, Berg? Ertu að fara?* [Ты уезжаешь, Берг? Ты уезжаешь?]

Адамберг тяжело поднялся, поднял глаза на белесое солнце.

— *Nei*. [Нет.]

— *Jú*, — вздохнул Гуннлаугур. [Да.]

— *Já*. [Да.]

— *Drekka, borða*, — предложил он. [Есть, пить.]

— *Já*. [Да.]

Колеса ударились о покрытие взлетной полосы Руаси — Шарль-де-Голль, и от этого толчка его внезапно накрыла такая мигрень, какой не бывало уже много лет, и одновременно появилось ощущение, будто его крепко побили. Он вернулся, и Париж, большой каменный город, накинута на него. Хотя, может, все дело в том, что накануне в таверне у Гуннлаугура они хорошо отметили его отъезд, изрядно выпив. Стопки были совсем маленькие. Зато их было много. И это был последний вечер. И бреннивин¹.

Беглый взгляд в иллюминатор. Не выходить, чтобы не оказаться там.

Но он уже был там. “Ваше присутствие крайне желательно”.

1 *Бреннивин* — исландский спиртной напиток крепостью 37,5° на основе картофеля и тмина. (Здесь и далее — прим. перев.)

Глава 2

Во вторник 31 марта шестнадцать сотрудников комиссариата в полной боевой готовности, с ноутбуками, папками и стаканами кофе, собрались к девяти часам в зале капитула, чтобы доложить комиссару о том, как они вели дела в его отсутствие под началом майора Мордана и майора Данглара. Члены команды были расслаблены и неожиданно разговорчивы, и это означало, что они рады его возвращению, им приятно его видеть и они не задаются вопросом, не изменилось ли в нем что-нибудь, пока он жил на севере Исландии, на маленьком острове, где его окружали только туманы да неугомонные волны. А даже если изменилось, какая разница, подумал лейтенант Вейренк, который, как и комиссар, вырос на каменистых склонах Пиренеев и понимал его, как никто. Он знал, что их команда под началом комиссара скорее напоминает большое парусное судно, меняющее курс из-за встречного ветра или замирающее, спустив паруса, во время штиля, чем мощный моторный катер, от которого много шума и пены.

Майор Данглар, наоборот, чего-то постоянно опасался. Он всматривался в горизонт, ожидая приближения неведомой опасности: его вечно доносили страхи, царапая острыми шипами и мешая жить. Отъезд Адамберга в Исландию после изнурительного расследования вызвал у него дурные предчувствия. Когда мозг устает у обычного человека и он выбирает туманную страну, чтобы снять напряжение, — это правильно. Более целесообразно, чем ехать на юг, к солнцу, где безжалостный свет подчеркивает любую неровность, малейший выступ на камешке и еще больше утомляет. Но когда туманный разум удаляется в туманную страну, это опасно и чревато тяжкими последствиями, полагал Данглар. Он боялся, что упадок духа у комиссара может стать необратимым. Он всерьез тревожился, как бы в результате химической реакции между туманом в человеке и туманом в природе Адамберг не растворился в Исландии и не остался там навсегда. Известие о возвращении начальника его немного успокоило. Но когда Адамберг вошел в комнату своей слегка развинченной походкой, улыбаясь каждому и пожимая руки, тревога Данглара вернулась. Более легкомысленный и переменчивый, чем когда-либо, с блуждающим взглядом и неуловимой улыбкой, комиссар как будто двигался наугад, не замечая разметки, пропуская редкие указатели, позволяющие не сбиться с пути. Текучий, вялый — вынес вердикт Данглар. Странный, пропитанный морем — подумал лейтенант Вейренк.

Молодой бригадир Эсталер, специалист по кофейной церемонии, которую освоил в совершенстве — по мнению коллег, только в этом он и пре-

успел, — мигом поднес чашку комиссару, положив ровно столько сахара, сколько нужно.

— Ну, рассказывайте, — произнес Адамберг мягким отстраненным голосом, слишком спокойным для человека, которому предстоит расследовать смерть женщины тридцати семи лет, которую дважды переехал внедорожник, переломав ей шею и ноги.

Случилось это три дня назад, в минувшую субботу вечером, на улице Шато-де-Рантье. “Что за шато? Какие рантье?” — подумал Данглар. Ни про замок, ни про рантье никто уже не помнил, и сегодня это название в южном секторе 13-го округа звучало забавно. Он пообещал себе узнать происхождение названия: энциклопедический ум майора впитывал любые знания, ведь все они, в конце концов, могли пригодиться.

— Вы читали материалы, присланные вам в Рейкьявик, где вы делали пересадку? — спросил майор Мордан.

— Конечно, — ответил Адамберг и пожал плечами.

Разумеется, он читал их, пока летел из Рейкьявика в Париж. Но на самом деле сосредоточиться на них не смог. Он понял, что женщина, Лора Карвен, — красивая, ничего не скажешь, отметил он, — погибла под колесами внедорожника между 22:10 и 22:15. Время убийства указано так точно, потому что жертва придерживалась очень четкого расписания. С 14:00 до 19:30 она продавала одежду для детей в люксовом магазине в 15-м округе. Потом занималась бухгалтерией, а в 21:40 закрывала жалюзи. Она каждый день переходила улицу Шато-де-Рантье в одно и то же время, на один и тот же сигнал светофора рядом с домом. Она была замужем за богатым мужчиной, который “преуспел”, как прочел в докумен-

тах Адамберг, хотя не запомнил ни его профессию, ни сумму на банковском счете. Внедорожник принадлежал мужу — как его звали? — погибшей женщины, в этом не было сомнений. В углублениях протекторов и на крыльях остались следы крови. В тот же вечер Мордан и Жюстен установили путь машины с помощью розыскной собаки. Она привела их прямехонько к стоянке у салона видеоигр, в трехстах метрах от места преступления. Собака оказалась довольно нервная и потребовала, чтобы ее долго и усердно гладили в благодарность за работу.

Хозяин салона хорошо знал владельца машины: тот приходил к ним в зал каждый субботний вечер и играл с девяти до двенадцати. Если не везло, мог засидеться за игрой до самого закрытия — до двух часов ночи. Он показал им мужчину в костюме и распушенном галстуке, очень заметного среди парней в капюшонах, с пивом. Тот яростно бился с экраном, где на него набрасывались огромные ходячие мертвецы, а ему нужно было изничтожить их, расстреляв из автомата, и проложить себе дорогу к горе Черного короля. Когда полицейские его прервали, положив руку на плечо, он неистово затряс головой, не выпуская пульта из рук, и закричал, что ни в коем случае, ни за что не остановится, набрав сорок семь тысяч шестьсот пятьдесят два очка и находясь в двух шагах от уровня Бронзовой дороги. Майор Мордан наконец сумел перекрыть треск устройств и вопли игроков и сообщил ему, что жена его погибла, попав под машину в трехстах метрах отсюда. Мужчина обмяк и навалился на пульт, испортив игру. Прозвучал музыкальный сигнал, и на экране загорелась надпись: «Прощай, ты проиграл!»

— Итак, муж утверждает, что все время находился в игровом салоне? — уточнил Адамберг.

— В отчете было сказано... — начал было Мордан.

— Предпочитаю сам услышать, — отрезал Адамберг.

— Да, так и есть. Говорит, что не отлучался из зала.

— А как он объяснил, почему его собственная машина вся в крови?

— Объяснил наличием любовника. Любовника, который знал ее привычки, мог взять машину, раздавить любовницу, вернуться и поставить машину на то же место.

— Чтобы обвинили его?

— Да, потому что полицейские всегда обвиняют мужа.

— Как он выглядел?

— В смысле?

— Как отреагировал?

— Был ошеломлен — скорее шокирован, чем опечален. Немного пришел в себя, пока мы везли его к нам. Они собирались разводиться.

— Из-за любовника?

— Нет, — произнес Ноэль слегка пренебрежительно. — Дело в том, что такому человеку, как он, адвокату, взлетевшему высоко, жена-простушка только мешала. Это читалось между строк, когда он говорил.

— А жена, — добавил светловолосый Жюстен, — чувствовала себя униженной: он не разрешал ей появляться на коктейлях и ужинах, которые устраивал для знакомых и клиентов у себя в бюро в седьмом округе. Она просила взять ее с собой, он отказывался. Они постоянно ссорились. Она будет “диссонировать”, говорил он, и “не впишется в картину”. Такой вот мужик.

— Отвратный, — заключил Ноэль.

— Он постепенно овладел собой, — добавил Вуазне, — и начал отбиваться, как будто мы пытались загнать его на Каторжную дорогу из его игры. Стал выражаться заумно, употреблять всякие непонятные слова.

— Его обычная стратегия, — заметил Мордан и стал ритмично дергать шеей, высвобождая ее из воротника. За две с лишним недели в нем ничего не изменилось, он по-прежнему походил на цаплю, утомленную жизненными неурядицами. — Подчеркивает разницу между собой, успешным адвокатом, и любовником.

— А он кто?

— Араб, он сам это уточнил прямо с порога, ремонтирует автоматы с напитками. Живет в соседнем доме. Насим Бузид, алжирец, родился во Франции, женат, двое детей.

Адамберг хотел что-то сказать, но промолчал. Он не сумел придумать, как бы, не нарушая приличий, спросить про допрос Насима Бузида, протокол которого наверняка есть в папке. Он ровным счетом ничего не помнил об этом человеке.

— И какое у вас впечатление? — осторожно спросил он, знаком попросив Эсталера принести еще кофе.

— Красивый парень, — констатировала лейтенант Элен Фруасси, повернув к комиссару монитор, где было фото печального Насима Бузида. Длинные ресницы, медовый взгляд, глаза как будто подведены, белоснежные зубы, чарующая улыбка. Его очень любят соседи, он мастер на все руки. Насим меняет перегоревшие лампочки, Насим устраняет протечки, Насим никому не отказывает.

— Из чего муж заключил, что это слабое, покорное существо, — произнес Вуазне. — Ничтожество, которое так и не выбилось в люди.

— Отвратный, — повторил Ноэль.

— Муж ревнив? — спросил Адамберг, с беспечным видом начав делать какие-то пометки.

— Уверяет, что нет, — ответила Фруасси. — Он считает этот брак досадным недоразумением, которое можно исправить разводом.

— Ну и?.. — Адамберг повернулся к Мордану. — Майор, вы, кажется, говорили о стратегии?

— Он делает ставку на инстинкты полицейских, которых, всех до одного, считает зашоренными и недоразвитыми расистами: когда им придется выбирать между состоятельным адвокатом, который говорит так изысканно, что даже непонятно, и арабом-разнорабочим, они нацелятся на араба.

— И что же такого сложного и запутанного он вам наговорил?

— Трудно сказать, — ответил Вуазне, — поскольку лично я не понял. Всякие слова вроде “апперцепция” или... погодите, сейчас... гетеро... “гетерономия”.

— Гетерономия — это какое-то сексуальное отклонение? — спросил Ноэль. — Он употребил это слово по поводу любовника.

Все повернулись к Данглару, рассчитывая на его помощь.

— Нет, он имел в виду несамостоятельность ума. Любопытно было бы поиграть с этим молодцом.

— Я на вас рассчитываю, майор, — произнес Адамберг.

— Все сделаю, — отозвался Данглар, в душе ликуя и ненадолго забыв о настораживающем равнодушии

Адамберга и его небрежности. Было совершенно ясно, что комиссар мало что запомнил из его отчета, составленного со всей тщательностью.

— Еще он приводит много цитат, — вставил Меркаде, внезапно вышедший из состояния дремоты.

Меркаде, блистательный специалист по компьютерным делам, уступавший разве что Элен Фруасси, страдал гиперсомнией, и весь комиссариат с пониманием и даже заботой относился к его недугу. Если бы дивизионный комиссар узнал об этом, Меркаде был бы немедленно уволен. Зачем держать сотрудника, на которого каждые три часа наваливается неодолимый сон?

— И мэтр Карвен ждет реакции на свои чертовы цитаты, — продолжал Меркаде, — например, чтоб кто-то хоть одного автора назвал. Он наслаждается нашим незнанием, ему нравится нас унижать, это точно.

— Например?

— Ну вот, — проговорил Жюстен, открывая свои записи. — По поводу Насима Бузида, как всегда: “Люди меньше опасаются лжи, чем вреда, причиненного ложью”.

И снова все выжидающе уставились на Дангла, чтобы он избавил их от многократных унижений со стороны адвоката, но майор из деликатности не стал сразу называть автора, как бы намекая на то, что он ничем не лучше остальных сотрудников комиссариата. Его скромность никто не оценил, но его простили: у кого же еще спрашивать, как не у него, человека сокрушительной эрудиции, знающего все высказывания всех писателей на свете.

— И становится понятно, — подхватил Мордан, — что наш адвокат Карвен любезно подсовывает нам